

1

Если моё сердце будет биться так сильно ещё хотя бы какое-то время, оно просто выскочит из груди.

Никогда в жизни я не бегал так быстро. Когда мне дают длинный пас, я должен убежать от защитников и перехватить мяч у вратаря, я мчусь изо всех сил, изо всех. Но так, как сейчас, я не бегал ещё никогда.

Я уже даже не помню, с чего всё началось: так долго длится этот марафон. Мои мышцы покалывало от боли, мои лёгкие горели.

Но я не могу остановиться.

Беги, беги, беги!

Я смотрел назад и видел её. Сейчас она догонит меня. Её лицо покраснелось, она вспотела, тяжело дышала, волосы её были всклокочены,

как у сумасшедшей, но ей всё равно. Если уж что взбрело в голову этой женщине, её уже никто не остановит.

— Давай, Франциско, не останавливайся! — кричала моя мама.

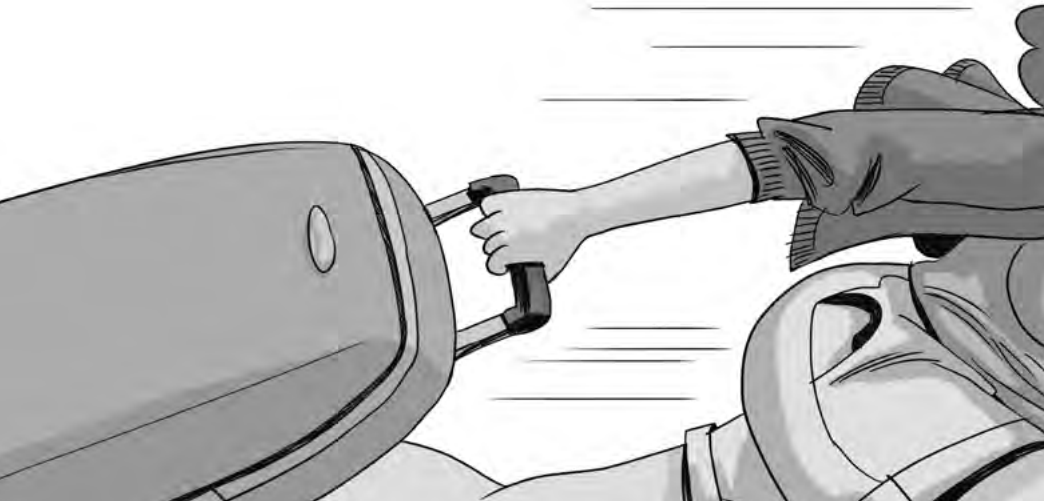
Не сбавляя скорости, я бросил ещё один взгляд в её сторону. Никогда ещё я не видел её такой. Красная от напряжения, она бежала, да ещё как! Мама, оказывается, тоже бегают.

А моя — ещё и сверхъестественно быстро.

Я ускорился, но мама меня догнала. Она неслась так, будто убегала от лавины. И довольно скоро оставляет меня позади.

— Франциско, не расслабляйся, ещё чуть-чуть! — закричала она.

Люди на улице расступились, некоторые из них были напуганы: поосторожнее, кричали они нам, нельзя вот так передвигаться по городу! Ещё немного, и мы снесли бы сеньору,

которая толкала продуктовую тележку. В самый последний момент, когда моя мать, как пуля, пролетела мимо, женщина резко отодвинула корзину с покупками в сторону.

Тележка неслась в мою сторону, сейчас она собьёт меня с ног! Я попытался отпрыгнуть, но нога, как назло, попала в колесо. Спотыкаясь, я кое-как вытащил ногу, и в этот момент потерял равновесие. Ещё секунда, и я рухнул бы на землю, но тут появилась мама. Она перехватила меня за мгновение до падения и, глядя на ошарашенную покупательницу, сказала:

— Простите, сеньора.

И мы возвратились к нашей гонке. Я поднял голову и увидел огромные часы на фасаде здания перед нами. На них было почти девять. Мы не успевали.

А тут ещё новое препятствие: детский садик на прогулке. Огромная группа малышей:

они шли парами, держась за руки, и занимали весь тротуар. Невозможно было пройти. Мы спрыгнули на проезжую часть и продолжили бежать прямо посреди улицы. Таксист позади нас начал сигналить:

— Вы с ума сошли, сеньора? — закричал водитель, высунувшись из окна. — Улицу нельзя пересекать где вздумается, это что за лихачество такое?

Мама обернулась, похоже, она собралась в очередной раз извиниться.

Но вместо этого она обратилась ко мне:

— Таксист, наверное!

А потом схватила меня за руку и продолжила бежать что есть мочи.

— Давай, давай, — подгоняла меня она.

Таксист ещё несколько раз яростно нажал на клаксон, и, наверное, отругал нас на чём свет стоит. На всякий случай я не сморел в его сторону.

Мы подбежали к пешеходному переходу. Огромные часы на здании впереди нас показывали без двух минут девять. На светофоре — красный. Мама резко затормозила и сделала ладонью барьер на уровне моей груди.

На улице не было ни одной машины, но мы почему-то стояли и ждали!

— Ну, теперь-то что? — спросил я. — Значит, бежать посреди проезжей части между машинами можно, а перейти на красный, когда на дороге нет ни одного автомобиля, нельзя?

— Светофоры надо уважать, Франциско, — сказала моя мама очень серьезно.

— Но улица же пустая! — возмутился я.

— Светофор — это святое, — ответила мама. — Твой отец — муниципальный полицейский, и множество людей на свете отдали

свою жизнь за светофор. Это одно из величайших изобретений человечества, чтоб ты знал.

— Ну, хорошо, — сказал я.

И вот мы стояли с высунутыми языками и ждали, когда загорится зелёный, хотя на дороге, даже вдалеке, не было ни одной машины.

Чтобы совладать с отчаянием, я начал считать пиканье светофора: раз, два, три, четыре, пи-пи, пи-пи, пи-пи ...

Когда я дошёл до тринадцати, светофор наконец-то поменял цвет, и мы снова понеслись как сумасшедшие.

Одна минута десятого.

Слишком поздно.

Мы ворвались на автовокзал. Он был огромный, там было полно народа, но мы продолжили нестись без остановки. Какая-то семья приезжих с множеством баулов посмотрели на нас осуждающе. В принципе, их можно понять: только что мы чуть не снесли и не растоптали все их сумки. Они закричали нам что-то вслед на своём языке, но я не понял ни слова.

Мы добежали до эскалатора и, перепрыгнув через ступеньки, спустились вниз. Моя мама толкалась и одновременно просила прощения,

толкалась и просила прощения. Честно говоря, ей приходится извиняться очень часто.

Наконец, мы на первом этаже, откуда отправляются автобусы. Из-за шума, который одновременно производили множество двигателей, мы почти не слышали друг друга.

Мама закричала:

— Ты посмотрел, какая платформа?

— Конечно, нет, — ответил я, — я же всё время только и делал, что бежал за тобой!

Тут десятки автобусов. Какой из них наш? Хотя наш наверняка уже ушёл: его отправление было в девять, а сейчас девять часов, одна минута и двадцать секунд. Пока мы отчаянно искали нужный автобус, мама достала мобильный телефон.

Я изучал надписи на лобовых стёклах. Мурсия, Валенсия, Саламанка, Сьюдад-Реаль... Где же наш???

— Не отвечают, — сказала мама и положила трубку.

Потерявшие всякую надежду, мы спустились на этаж ниже.

Две минуты десятого. Наш автобус ушёл. Ушёл без нас. И тут я услышал голос позади себя.

— Пакет, ну ты чего!

Йес! Камуньяс! А рядом с ним Томео, Грустный и все остальные...

Они сидели в автобусе. И жестами звали нас.

— Давай, заходи! — сказал Камуньяс.

Мы с мамой сделали последний рывок и запрыгнули в автобус.

Водитель сердито посмотрел на нас.

— Извините меня. Ребёнок проспал, — сказала моя мать.

Ложь, наглая ложь. Это она проспала. Я вообще практически не спал. Я так нервничал по поводу поездки, что не мог сомкнуть глаз.

Наконец, мы заняли свои места. Фелипе и Алисия, наши тренеры, поприветствовали нас.

— Мы уже думали, что вы не придёте, — сказала Алисия.

— Это потому, что Франциско проспал, — повторяла мать свою дурацкую заготовку.

Но меня это уже не волновало, она могла говорить всё, что угодно. Главное, что мы успели. Мы вместе с командой. И мы отправляемся в путешествие.

Я смотрел на Алёну, которая сидела в задней части автобуса, в последнем ряду. И улыбался как дурак.

Наконец, автобус тронулся.

Мы ехали туда, где я никогда не был. В уникальное место. Город с самым большим количеством небоскрёбов во всей Европе. Я смотрел на табличку на лобовом стекле автобуса и читал название, которое даже звучало, как музыка: Бенидорм.